

ДИАЛЕКТИЗМЫ КАК СРЕДСТВО МАРКИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.М. ШУКШИНА

Аннотация. Исследование посвящено выявлению функций диалектизмов в творчестве Василия Макаровича Шукшина. Основное внимание уделяется анализу лексических и фонетических маркеров, просторечий и арготизмов, играющих важную роль в характеристике персонажей. Данные элементы рассматриваются как средства создания уникальных речевых портретов, подчеркивающих социальную принадлежность, уровень речевой культуры и психологический облик героев. Исследуются механизмы воздействия этих компонентов на усиление художественного эффекта и формирование многослойности образов, позволяющие глубоко проникнуть в духовный мир персонажей и понять их внутренние мотивы.

Ключевые слова: диалектизмы, этнографизмы, лексические маркеры, фонетические маркеры, художественный эффект, речевое поведение, многослойность образа.

Языковая личность автора и его героев, воплощенная в произведении, раскрывается через специфические маркеры – лексические, синтаксические, стилистические особенности, излюбленные метафоры и идиомы, которые вместе создают уникальный «голос», идиолект.

Языковая личность – это совокупность когнитивных, эмоциональных и социально-культурных характеристик индивида, отражающихся в его речевой деятельности [1, с. 102]. Основу языковой личности составляют языковая компетенция (знание фонетических, лексических, грамматических и синтаксических норм языка) и коммуникативная компетентность (способность эффективно использовать эти знания в различных ситуациях общения, учитывая культурные и социолингвистические контексты).

Диалектные особенности идиолекта занимают значительное место в языке прозы В.М. Шукшина. Он значительно расширил доступ диалектной лексики в язык художественной литературы: большинство используемых автором диалектизмов является достоянием живых народных говоров. Основным источником неповторимого культурного кода В.М. Шукшина является диалект алтайской деревни. Именно диалектная лексика маркирует так называемую «деревенскую прозу», позволяя многопланово изобразить культурные традиции сельских жителей.

В рассказах В.М. Шукшина используются диалектные маркеры различных языковых уровней – лексические, фонетические, морфологические, словообразовательные.

Лексические маркеры

Одним из основных маркеров языковой личности является лексикон – вербальный уровень, который отражает владение лексико-грамматическим фондом языка.

Лексические диалектизмы – слова, распространённые только среди носителей диалекта. Например: *холостёжь* – собирательное существительное, образованное по модели литературного слова *молодежь*: «Женатые-то дома, на ремонте, а *холостёжь* – вроде меня – на кубы» («Ваня, как ты здесь?»); *вечёрять* – с пометой *областное* дается в словаре как «ужинать»:

«Клавдия и девочки *вечеряли*» («Сапожки»); *щербá* ‘рыбная похлебка, уха’: «Пока варилась *щерба* из чебачков, пропускали по первой, беседовали» («Миль пардон, мадам!»).

Героями произведений В.М. Шукшина являются преимущественно выходцы из деревни, жители небольших городов Алтая. Широкое использование лексических диалектизмов в речи героев и автора-повествователя обусловлено стремлением точно передать социальный статус, происхождение и жизненный опыт героев.

Лексико-семантические диалектизмы – слова, выступающие в диалекте в качестве омонимов к общенародным словам и употребляющиеся в ином значении. Например: *звонарь* – в литературном языке данное слово используется в значении ‘церковный служитель, звонящий в колокола’, в диалектном языке и в просторечном употреблении реализуется семантика ‘болтун, сплетник’: «*Звонарь*, – он негромко сам себе. – Дача у него, видите ли... Во *звонарь*-то!» («Генерал Малафейкин»).

К этой группе примыкают **этнографизмы** – слова, называющие предметы быта, названия пищи и т. п., которые имеют локальный характер. Например: *белковáть* ‘охотиться на белок’: «*Белковал*, а случилось, медведя-шатуна укладывал» («Охота жить»); *варнáк* ‘преступник, злодей, бежавший с каторги’: «– Сукин ты сын, *варнак* окаянный, – вслух негромко ругался он» («Охота жить»); *расейский* – общее название всех нездешних жителей Сибири, не сибиряков: «Выговор у парня нездешний, расейский» («Охота жить»).

Введение в текст рассказов лексических и этнографических маркеров осуществляется применением синтагматики диалектного слова, уточняющих конструкций. Например: «Ванька заглянул в миску на *шестке*, в печку» («Далекие зимние вечера»), ср.: *шестóк* – площадка перед устьем русской печи и т.д.

Фонетические маркеры

Особенности произношения, на которые обращает внимание автор, также служат маркерами социального статуса героев, уровня их владения литературным языком. Например: *аржанóй*: «Вань, ты бы сейчас *аржаных* лепешек поел» («Далекие зимние вечера»); *убíвство*: «За *убивство* тебя бог накажет, не люди» («Охота жить»); *испужáлись*: «Да ты скажи честно, *испужались*, может» («Дядя Ермолай»).

Больше всего в текстах произведений Шукшина **словообразовательных диалектизмов** – слов, получивших в диалекте специфическое аффиксальное оформление, например: *заспáть* с семантикой начала действия (ср. литературное *заснуть*): «Петька с удивлением и горечью постигал, что теперь – ночь. *Заспал?*» («Беседы при ясной луне»); слово *здремну́ть* в соответствии с литературным *вздремнуть* отличается оформлением префикса (с- вместо вз-): «*А это вчерашней ночью здремнул маленько*» («Беседы при ясной луне»).

О мастерстве Шукшина-рассказчика говорит прием контраста в использовании языковых маркеров речи героев рассказа «Охота жить».

Героев этого произведения старика Никитича и бежавшего уголовника можно противопоставить друг другу с точки зрения особенностей идиолекта.

Языковыми маркерами в речи Никитича являются диалектизмы, просторечные и разговорные особенности.

Диалектизмами являются следующие слова: *иолог*, *кержáк*, *варнáк*, *лонíсь*, *перепужáться*, *шíйбо*, *знáмо* дело, *пáря*, *убíвство*, *пои́то* и т.д. Они передают особенности алтайского говора.

Никитич часто вставляет в свою речь поговорки, в составе которых присутствуют просторечные и диалектные элементы: «У нас говорят: *марток – надевай двое порток*»; «...*молодец – против овец, а спроть молодца – сам овца*».

К просторечным и разговорным маркерам его языковой личности можно отнести служебные слова («Вас бы *хошь* (хотя) учили маленько, как быть в тайге одному»; «А *чего* (зачем) тебя бояться?»); отдельные слова, например: *охальный* – ‘озорной, нахальный’ («И улыбка его *понравилась Никитичу* – не «охальная», *простецкая, сдержанная*»); диминутив *ружьишко* («А последнее *ружьишко* у старика взять – это ничего, можно») и т.д. В речи старика Никитича выделяются просторечные особенности в употреблении форм местоимений: «...старик со старухой да дочь *ихняя*», «...была у *их* дочь», нашла отражение и характерная для многих диалектов и просторечия форма местоимения *чё* (*чо*): «А мне тут *чо* без его делать?», «*Ничо*, служит пока».

Особый смысл имеет в рассказе просторечная синтагматика слова *охота*, вынесенная в заглавие рассказа: *охота жить* (ср. лит. *хочется жить*). Для старика Никитича охота имеет обыденное, общечеловеческое значение – это добывание зверя (*охота на белок*), а для уголовника, осужденного за убийство, это желание жить по своей воле, без всяких законов, включая общечеловеческие законы морали («Вот и *охота жить* ещё осталась...»).

Языковыми маркерами личности парня-уголовника являются вульгаризмы, фамильярные слова, обценная лексика, слова с презрительной окраской, арготическая лексика. Например, использование слов *гадина*, *баба* («А то не успеет помолиться и тут же *штаны спускает* – за бабу хляет, *гадина*»), *погань* ‘скверные, негодные к употреблению, отвратительные вещи или существа, гадость, мерзость’ («Врешь? Получай, сука, *погань!*»), *святоша* ‘лицемер, притворяющийся праведником, ханжа’ («Не врете! Не обманывайте людей, *святоши*») свидетельствует о том, что говорящий относится к людям свысока, презрительно.

В речи парня обильно представлены вульгаризмы: «А он – *добренький, терпеть учил. Паскуда!*»; «*Живое существо – сами же трепетесь, сволочи*», то есть грубые, неприличные слова и выражения. Их использование свидетельствует о крайней озлобленности человека.

В разговоре со стариком парень без ограничений использует фамильярные слова – это слова, относящиеся к сниженному стилю, характеризующиеся разговорно-уничижительной экспрессией. К ним относятся: *боженька* («Это верно. А насчет *боженек* ты мне *мозги* не...»); фамильярное обращение *батя* («Дошло, *батя*. *Шутить* мне сейчас что-то не хочется») и т.д.

Основным маркером языкового портрета бежавшего уголовника являются арготизмы. Арго вырабатывается для языкового обособления социальной группы от других членов общества. Значение этих слов можно найти в толковом словаре русского арго. Например: *покемарить* ‘подремать’: «У огня *покемарю*... Какой сон»; *хлять* ‘идти’ и т.д.

Таким образом, языковыми маркерами личности Никитича служат диалектизмы, просторечные и разговорные особенности, широко используемые в сибирской глубинке обычно в речи пожилых людей, а для речевой характеристики парня-уголовника используются фамильярные слова, арготизмы и вульгаризмы, которые являются языковыми маркерами криминальной и молодежной среды.

Контраст между персонажами, выраженный через использование различных типов лексики, помогает создать контраст не только местной речи сибирской глубинки и городской (нез-

дешней, «расейской») речи, но и двух типов мировоззрения: человеколюбия и человеконенавистничества; двух жизненных позиций: следование нравственным законам и циничное отрицание их.

Таким образом, языковые маркеры речи героев играют ключевую роль в создании много-
слойного повествования рассказов В.М. Шукшина.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и русская языковая личность. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.